

Любовь — это когда счастье другого
важнее своего собственного.

Г. Джексон Браун

1

«Люблю Джульетту безответно». Небольшое граффити на деревянном заборе свидетельствует обо всей безнадежности этого разочарования. Я улыбаюсь. Может быть, Джульетта никогда об этом и не думала, но мне не дано этого знать, и я, взволнованный, вхожу в дом. Иду молча до тех пор, пока не дохожу до той самой комнаты. Смотрю на море из того самого окна. Теперь это все мое — и смотровая терраса, плавно опускающаяся к скалам, и эти закругленные ступени, и распылители садового душа с перегородками из желтых и голубых плиток, вручную расписанных лимонами, и мраморный стол перед большим окном, отражающий горизонт. Строптивные морские волны то ли бунтуют против моего присутствия, к которому они еще не привыкли, то ли приветствуют мое возвращение. Они бьются о скалы, окружающие особняк в этой живописнейшей части высокого утеса. Солнце заходит, и от его света стены гостиной становятся красными. Точь-в-точь как в тот день девять лет назад.

— Вы передумали? Вы уже не хотите покупать дом?

Хозяин вопросительно глядит на меня, а затем — спокойный, неторопливый, невозмутимый — разводит руками и говорит:

— Вы, конечно, можете делать, что хотите: это же вы платите. Но если вы передумали, то вам придется или оплатить мне задаток в двойном размере, или судиться так долго, что, учитывая мой возраст, мне уже, разумеется, не увидеть моих денег.

Я смотрю на него и про себя усмехаюсь: старый-то он старый, но проворней любого мальчишки. Хозяин хмурится.

— Конечно, если вы такой хитрый, то спешить не будете. У меня-то вы суд, разумеется, выиграете, но уж моих детей и моих внуков вам не одолеть. Да и к тому же в Италии можно судиться годами!

Его одолевает приступ глухого надрывного кашля, так что старику поневоле приходится закрыть глаза и прервать свою обвинительную речь в духе последнего римского сенатора. Он немного ждет, переводит дух и, отдышавшись, откидывается на шезлонг, трет глаза и снова их открывает.

— Но вы-то хотите купить этот дом, правда?

Я сажусь рядом с ним, беру лежащие передо мной листы и, даже не читая, визирую страницу за страницей: мой адвокат уже все проверил. И на последней странице расписываюсь.

— Значит, вы его покупаете?

— Да, я не передумал; я получил то, что хотел...

Хозяин собирает документы и передает их своему поверенному.

— Что ж, должен сказать вам правду: я согласился бы и на меньшее.

— Так и я хочу сказать вам правду: я бы заплатил за него и двойную цену.

— Не может быть; вы говорите это нарочно...

— Думайте, как хотите.

Я ему улыбаюсь.

Наконец хозяин встает, идет к старинному деревянному серванту и открывает его. Он достает из холодильного отделения для вин бутылку шампанского и, немного попотев, с истинным удовольствием и удовлетворением откупоривает ее. Налив шампанское в два бокала, он спрашивает:

— А вы действительно заплатили бы двойную цену?

— Да.

— И не сказали это, чтобы меня позлить?

— Зачем это мне? Вы мне симпатичны: вот, вы меня даже угощаете отличным шампанским, — говорю я и беру бокал. — К тому же оно идеальной температуры, именно такое, как мне нравится. Нет, я бы никогда не захотел вас злить.

— Надо же...

Хозяин поднимает свой бокал вверх, в мою сторону.

— Я же говорил моему адвокату, что мы могли бы запросить и больше... — ворчит он.

Я пожимаю плечами и не говорю ничего — даже про те десять тысяч евро, которые я дал его адвокату, чтобы тот убедил хозяина принять мое предложение. Я чувствую на себе его встревоженный взгляд. Кто знает, о чем он сейчас думает.

Он кивает головой и улыбается: похоже, я его убедил.

— Что ж, хорошая сделка, я доволен... Давайте выпьем за счастье, которое приносит этот дом.

Он решительно подносит бокал ко рту и одним махом его осушает.

— Вот скажите-ка мне... И как это, интересно, вам удалось оставить за собой этот дом, как только я выставил его на продажу?

— Вы бывали в магазине «Виничио» — там, на горе? Знаете, где он?

— Еще бы, как не знать.

— Так вот: я, скажем так, давно знаком с его хозяином...

— Вы подыскивали себе дом в этой местности?

— Нет, я хотел знать, когда вы решите продавать свой.

— Именно этот? Этот и никакой другой?

— Именно этот. Он должен был стать моим.

И я мгновенно переносусь назад, в прошлое.

Мы с Баби любим друг друга. В тот день она со всем классом поехала во Фреджене, в ресторан «Мастино», отмечать наступление тех ста дней, которые остаются до выпускных экзаменов. Она видит, как я подъезжаю на мотоцикле, и подходит ко мне, улыбаясь такой улыбкой, от которой могут рассеяться все мои сомнения. Я иду за ней, достаю ту синюю бандану, которую я у нее украл, и завязываю ей глаза. Она садится на заднее сиденье моего мотоцикла, прижимается ко мне, и мы под звучащую в наушниках музыку Тициано Ферро проезжаем всю Аврелиеву дорогу, до самой Фенильи. Море серебрится, мелькают заросли дрока, темно-зеленые кусты, а потом показывается этот дом на скале. Я останавливаю мотоцикл, мы слезаем, и я мгновенно придумываю, как туда пробраться. И вот мы входим в этот дом, о котором мечтала Баби. Это просто невероятно, словно я снова теперь вижу все это наяву — вижу, как держу ее за руку, и она, с завязанными глазами, окружена тишиной того дня. Солнце заходит, и в этой тишине мы слышим только дыхание моря, а наши слова эхом отдаются в пустых комнатах.

— Где же ты, Стэп? Не бросай меня здесь одну! Я боюсь...

Тогда я снова беру ее за руки, и она вздрагивает.

— Это я...

Она меня узнает, успокаивается, и я веду ее дальше.

— Это невероятно, но тебе я позволяю делать со мной все, что вздумается...

— Эх, хорошо бы!

— Дурак!

Ее глаза до сих пор завязаны, и она машет руками, тщетно пытаюсь меня ударить, но, наконец, натывается на мою спину и уж тогда отыгрывается на мне волю.

— Ой-ой-ой! Когда на тебя находит, ты делаешь больно!

— Так тебе и надо... Но я хотела сказать, что это мне кажется дикостью — то, что я здесь. Мы проникли в дом, выбив стекло, и я делаю все это с тобой, не споря, не протестуя. И, в довершение всего, я ничего не вижу... А это значит, что я тебе доверяю.

— А разве это не здорово — доверяться другому человеку во всем? Полностью подчиняться его воле, не размышляя и не сомневаясь — точь-в-точь так, как сейчас доверяешь мне ты? Думаю, что на свете нет ничего лучше.

— А ты? Ты тоже мне доверяешь?

Я молчу и вглядываюсь в ее лицо, пытаюсь заглянуть в ее глаза, скрытые под банданой. Потом она отпускает мои руки и замирает, как в пустоте — может быть, разочарованная тем, что я ей ничего не ответил. Стойкая, независимая, одинокая. И тогда я решаюсь ей открыться:

— Да, и я тоже. И я тоже — в твоей воле. И это прекрасно.

— Эй, о чем вы там думаете? Вы как будто витаете в облаках... Давайте, возвращайтесь-ка на землю, к нам, радуйтесь! Вы же только что купили дом, который хотели, не так ли?

— Да-да, я просто задумался, на меня накатили приятные воспоминания... Я снова вспоминал те отчаянные слова, которые иногда говорят в порыве чувств. Не знаю почему, но мне пришла в голову нелепая мысль — словно когда-то я уже прожил это мгновение.

— А, ну да, дежавю! Со мной тоже часто такое случается.

Он берет меня под руку, и мы подходим к окну.

— Смотрите, какое красивое сейчас море.

Я бормочу: «Да», но, честно говоря, не понимаю, что он хочет мне сказать, и почему мы с ним отошли в сторону.

Его зачесанные назад волосы пахнут слишком сильно, и меня от этого запаха мутит. Неужели и я когда-нибудь стану таким же? Неужели и меня будет так же пошатывать? Неужели и у меня будет такая же неровная, неуверенная походка? Неужели и у меня будет так же дрожать рука, как и у него, когда он указывает мне на что-то, чего я еще не знаю?

— Вон, посмотрите-ка туда, раз уж вы уже купили этот дом. Видите эти ступеньки, которые спускаются к морю?

— Вижу.

— Так вот, когда-то давно по ним поднялись. Это немного опасно, потому что иногда люди поднимаются сюда со стороны моря, и вам, если вы решите остаться тут жить, нужно быть начеку, — говорит он мне с лукавством человека, умолчавшем об этом умышленно.

— Ну так кто поднимался со стороны моря?

— Думаю, какая-то парочка молодых, хотя, может, их было и больше. Они вышибли окно, бродили по дому, все разломали, а потом, в довершение ко всему, даже осквернили мою постель. На ней были следы крови. Либо они принесли в жертву животное, либо женщина оказалась девственницей!

Он говорит это с ухмылкой и оглушительно хохочет, задыхаясь от смеха. А потом продолжает:

— Я нашел мокрые халаты. Они развлекались, даже вытащили из холодильника бутылку и вылили из нее шампанское. И, самое главное, украли драгоценности, серебро и другие ценные вещи на пятьдесят тысяч евро... Хорошо, что я их застраховал!

И он самодовольно смотрит на меня, словно гордясь своей ловкостью.

— Знаете, господин Маринелли, вы бы могли мне этого не говорить. Так, пожалуй, было бы лучше.

— А почему?

Он смотрит на меня с любопытством, удивленный, раздосадованный моими словами и даже слегка расстроенный.

— Потому что вам теперь страшно, да? — уточняет он.

— Нет, потому что вы лжец. И потому, что они пришли не от моря, и потому, что бутылку шампанского они принесли из дома, и потому, что они у вас совершенно ничего не украли, а единственный ущерб, который они, может быть, вам нанесли, — вот это разбитое окно... — Я ему на него показываю. — Около двери.

— Да как вы себе позволяете ставить под сомнение мои слова? Да кто вы такой?

— Я? Никто, просто влюбленный парень. Я проник в этот дом девять с лишним лет назад, выпил немного моего шампанского и занялся любовью с моей девушкой. Но я не вор и ничего у вас не украл. Ах да, я позаимствовал два халата...

И я вспоминаю, как мы с Баби развлекались тем, что выдумывали имена по инициалам, вышитым как раз на тех самых махровых халатах — по «А» и «С». Мы наперегонки выбирали самые замысловатые, пока не остановились на Амарильдо и Сигфриде, а потом бросили халаты на скалы.

— А-а... Так вы знаете правду?

— Да, но только вот в чем дело: ее знаем лишь мы с ней и, самое главное, дом, который вы мне уже продали.

2

Этот день не такой, как любой из предыдущих.

Как и каждое утро, Джулиана, секретарша, ходит за мной по пятам со своим блокнотом, куда она записывает все важное, что нужно сделать.

— Напоминаю вам, что через полчаса у вас назначена встреча в Прати, в «Рэтэ», насчет приобретения вашей программы, а потом обед с Де Джиролами.

Она понимает, что это имя у меня ни с чем не ассоциируется, и приходит мне на помощь.

— Это автор, который работает для греческого телевидения, — уточняет Джулиана.

— А, ну да. Отмени эту встречу. Мы с ними уже не сотрудничаем: поляки предложили нам сделку повыгодней.

— И что мне ему сказать? Он же наверняка меня спросит...

— Не говори ничего.

— Но Де Джиролами потратил целый месяц, чтобы устроить эту встречу. И теперь, когда ее, наконец, назначили, он явно не обрадуется, что ее отменили просто так, безо всякой на то причины.

Джулиана замолкает и ждет, что я отвечу. Но мне нечего сказать Де Джиролами. А ей — и подавно.

— Обед отменяем. Еще что-нибудь на сегодня есть?